

ИРОН ХАДЗАР (ИРОН ХÆДЗАР) КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ СЕВЕРООСЕТИНСКОМ ГОРОДЕ

Сергей Анатольевич Штырков

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
shtyr@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я : В статье описываются городские хадзары — особые ритуальные дома, построенные во дворах жилых кварталов Владикавказа (Республика Северная Осетия — Алания) и ставшие элементами неформальной социальной инфраструктуры. Являясь местом проведения обрядовых застолий, хадзар строится силами семей, живущих в многоэтажном доме или в комплексе домов, и является предметом ответственности «хадзарного актива» — группы взрослых мужчин, организующих и контролирующих коллективные ритуалы во время похорон, поминок, осетинских и общенациональных календарных праздников, реже свадеб. Эти же мужчины зачастую используют хадзар для того, чтобы коротать в нем свой досуг. Возведенные с молчаливого согласия местных властей и активно используемые ими для проведения встреч с жителями домов в ходе, например, избирательных кампаний, хадзары тем не менее остаются незаконными постройками с неясным юридическим статусом. Отсутствие определенности в этом вопросе становится проблемой в ситуации, когда компании, предоставляющие коммунальные услуги, начинают требовать от жильцов домов заключать отдельные договоры для подключения хадзаров к сетям городских инфраструктур — отоплению и электроснабжению. Это ставит перед сообществом соседей по дому или двору вопрос о том, кому действительно принадлежит эти здания и, соответственно, кто должен заботиться об их судьбе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : инфраструктура, Северная-Осетия — Алания, осетины, антропология религии, этнография города, традиционализм.

Д л я с с ы л о к : Штырков С. Ирон хадзар (*Ирон хæдзар*) как элемент социальной инфраструктуры в современном североосетинском городе // Антропологический форум. 2022. № 55. С. 195–220.

doi : 10.31250/1815-8870-2022-18-55-195-220

U R L : http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/055/shtyrkov_2.pdf

THE IRON KHADZAR AS AN ELEMENT OF THE SOCIAL INFRASTRUCTURE IN A MODERN NORTH OSSETIAN CITY

Sergei Shtyrkov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
shtyr@eu.spb.ru

A b s t r a c t : The article describes *khadzars*—special ritual houses built in the courtyards of residential areas of Vladikavkaz (Republic of North Ossetia—Alania) that have become elements of informal social infrastructure. As a venue for ritual feasts, *khadzars* are built by families living in a multi-storey house or complex of houses and are the responsibility of the “*khadzar* activists”—groups of adult men who organise and oversee collective rituals during funerals, memorials, Ossetian and national calendar festivities, and sometimes weddings. These same men often use the *khadzar* to pass their leisure time in it. Built with the tacit consent of local authorities and actively used by them to, for example, hold meetings with residents during election campaigns, *khadzars* nevertheless remain illegal structures with an unclear legal status. The lack of clarity on this issue becomes a problem when utility companies start demanding that residents enter into separate contracts to connect the *khadzars* to the city’s infrastructure—heating and electricity—which poses a challenge to the neighbourhood community. This raises the question for the house or yard community as to who really owns these buildings and who should therefore take care of their fate.

Keywords : infrastructure, North Ossetia—Alania, Ossetians, anthropology of religion, urban ethnography, ethnic traditionalism.

To cite : Shtyrkov S., ‘Iron khadzar (*Iron khædzar*) kak element sotsialnoy infrastruktury v sovremenno severoosetinskom gorode’ [The *Iron Khadzar* as an Element of the Social Infrastructure in a Modern North Ossetian City], *Antropologicheskij forum*, 2022, no. 55, pp. 195–220.

doi : 10.31250/1815-8870-2022-18-55-195-220

U R L : http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/055/shtyrkov_2.pdf

Сергей Штырков

Ирон хадзар (*Ирон хæдзар*) как элемент социальной инфраструктуры в современном североосетинском городе

В статье описываются городские хадзары — особые ритуальные дома, построенные во дворах жилых кварталов Владикавказа (Республика Северная Осетия — Алания) и ставшие элементами неформальной социальной инфраструктуры. Являясь местом проведения обрядовых застолий, хадзар строится силами семей, живущих в многоквартирном доме или в комплексе домов, и является предметом ответственности «хадзарного актива» — группы взрослых мужчин, организующих и контролирующих коллективные ритуалы во время похорон, поминок, осетинских и общенациональных календарных праздников, реже свадеб. Эти же мужчины зачастую используют хадзар для того, чтобы коротать в нем свой досуг. Возведенные с молчаливого согласия местных властей и активно используемые ими для проведения встреч с жителями домов в ходе, например, избирательных кампаний, хадзары тем не менее остаются незаконными постройками с неясным юридическим статусом. Отсутствие определенности в этом вопросе становится проблемой в ситуации, когда компании, предоставляющие коммунальные услуги, начинают требовать от жильцов домов заключать отдельные договоры для подключения хадзаров к сетям городских инфраструктур — отоплению и электроснабжению. Это ставит перед сообществом соседей по дому или двору вопрос о том, кому действительно принадлежат эти здания и, соответственно, кто должен заботиться об их судьбе.

Ключевые слова: инфраструктура, Северная-Осетия — Алания, осетины, антропология религии, этнография города, традиционализм.

В городе Владикавказе, столице Республики Северная Осетия — Алания, есть около двухсот строений, о назначении которых не так просто догадаться постороннему человеку. Оказавшись во дворе обычного жилого квартала, построенного в позднесоветские или уже в постсоветские времена, можно увидеть длинное одноэтажное здание, одна из сторон крыши которого образует большой навес. Здание это обычно закрыто, и только по вечерам в одном или двух из его окон горит свет. Это хадзар (*хæдзар*).

Хадзар по-осетински означает «дом». Так в традиционном осетинском комплексе домовых построек называлась главная комната, в которой находился очаг и проходила основная жизнь семьи¹. Но, кроме того, этим словом обозначается дом в качестве важной социальной единицы, которой принадлежит человек. Это значение, как в осетинском, так и во многих других языках, естественно

Сергей Анатольевич Штырков

Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
shtyr@eu.spb.ru

¹ О *хæдзаре* в традиционной осетинской культуре см.: [Хадикова 2012: 308–309; Чибиров, Уарзиант 2012: 192–194].

наполняет данную лексему густой аксиологической семантикой, что видно в распространенном благопожелании, которое произносит входящий в дом гость: *фарн ацы хадзары* ('мир этому дому')¹.

В русской речи современных жителей Владикавказа осетинское слово «хадзар» используется без перевода. Употребленное в повседневной речи оно обычно не отсылает к традиционной этнической культуре или системе высоких социальных ценностей, но указывает на кратко описанное выше довольно скромное с виду строение во дворе, выглядящее как какое-то служебное помещение (см. ил. 1 и 2 на цветной вклейке). Неудивительно, что это строение нередко называют сараем (по-осетински *сара*). Однако последний вариант именованья звучит слишком несерьезно и даже пренебрежительно, поэтому, употребив это слово, говорящий часто тут же поправляет себя: «То есть хадзар, дом», — тем самым придавая обозначаемому предмету более высокий статус. Правда, эти поправки возникают обычно в контексте разговора о предназначении этого дома, спровоцированного вопросом исследователя. В таком случае также может использоваться форма *ирон хадзар* ('осетинский дом'), что звучит еще более основательно.

Итак, это дом. Но в нем нет постоянных жильцов. Люди здесь бывают, но живут они в окружающих хадзар многоэтажках, которые обычно называют русским словом «корпуса».

В одном из современных словарей владикавказского уличного сленга можно найти следующее определение этого объекта (оставляю своеобразную тональность этого определения на совести его автора):

Хадзар (произносится хазар) — многофункциональное строение, расположенное во дворе жилого дома. Представляет собой длинное одноэтажное здание, способное вместить до 200 человек. Хадзар — это место проведения как поминальных, так и торжественных мероприятий: национальные праздники, рождение ребенка, новоселье и т.д. Функции хадзара этим не ограничиваются — строение служит своеобразной игротеккой для мужчин пожилого возраста. Они проводят часы за игрой в нарды, шахматы, шашки и домино. Кроме того, хадзар — кладезь мудрости. Сбравшиеся в нем мужчины обсуждают вопросы различной проблематики: от марки бензина, которым они заправляют автомобили, до экспансивной политики США и вопросов осетинской этнографии [Абоев 2016].

¹ Проблема соотнесенности дома как строения и дома как места создания и воспроизведения семьи посвящена классическая работа Дженет Карстен [Carsten 1997]; см. также: [Daniels 2015].

Можно без труда понять, что в этом пассаже есть крупница иронии. Она, как мне кажется, довольно хорошо отражает ассоциации, которые хадзары вызывают у многих владикавказцев. Но эта не очень тщательно скрываемая улыбка все-таки не лишает само «энциклопедическое» определение хадзара доброжелательной почтительности и не погружает читателя в область едкой и безоглядной критики этнического традиционализма и устоявшегося (хотя, возможно, довольно хрупкого) гендерного порядка. Здесь мы имеем дело с чем-то вроде внутри-семейного подшучивания над своими, которое дозволено только своим и исключительно при условии демонстрации ими уважения к предмету или субъекту, о котором идет речь¹.

Далее я остановлюсь на разборе нескольких этнографических деталей, упомянутых в приведенной словарной статье, чтобы представить чуть более подробную картину жизни хадзара (другие общие сведения по этой теме можно найти в недавних работах известных специалистов по осетинской этнографии: [Канукова, Кулумбеков 2015; Канукова 2018: 66–76]). Затем речь пойдет о хадзарах как элементах социальной инфраструктуры современного Владикавказа, а также об инфраструктуре другого типа — городских коммуникациях, подключение к которым и оплата использования довольно неожиданно проблематизируют роль этих строений как центров жизни городских соседских сообществ. Наконец, в завершение статьи я затрону довольно локальный, но по-своему показательный сюжет, связанный с перспективой наращивания смыслов, прилагаемых к хадзарам, а именно с трактовкой их как элементов сетевой инфраструктуры осетинской традиционной религии, воссозданием и легитимацией которой последовательно занимается часть осетинских этнических активистов. Замечу, что в моем рассуждении понятие «инфраструктура» используется как минимум в двух отчасти пересекающихся смыслах — как сеть обеспечения городской агломерации расходуемыми ресурсами (вода, электричество и т.д.) и как так называемая социальная инфраструктура, т.е. система объектов, в которых население получает определенные услуги и которые разнятся между собой заданной им социальной функцией.

Хадзар и ритуальная жизнь дворового сообщества

Основная функция городского хадзара — быть местом коллективных ритуалов. Часть из них предполагает присутствие на

¹ Правда, это иронизирование, увиденное в перспективе левой социальной критики, может быть понято как проступающие в публичное пространство тайные транскрипты, о которых писал Джеймс Скотт [Scott 1990].

совместной трапезе большого числа (нескольких сотен) людей. Вместительность хадзара — его основная «техническая характеристика», которая первой указывается при его описании. Вот несколько цитат из интервью, в которых мои собеседники характеризовали благоустроенность городских кварталов: «там [в хадзаре] сто пятьдесят человек спокойно садятся»; «у их корпуса хадзар небольшой, человек на семьдесят»; «у них хадзар длинный, человек на триста».

Основная часть современных жителей Владикавказа бывают в хадзарах исключительно в роли организаторов, помощников организаторов и гостей на поминальных трапезах. В остальное время хадзар или пустует, или, что чаще, служит местом проведения досуга мужчин от 40 до 60 лет. Именно они для многих и есть фактические хозяева этого места.

Вот зима. Мы всю зиму проводим здесь. Кто в шахматы, кто в нарды, кто в карты. Ну без этого ж тоже не бывает — там по сто грамм выпили. Люди приходят после работы. Это нас обогащает. Не то что пришли с работы и как крысы разбежались, каждый в свою нору. И не знаешь даже соседа своего в лицо. Иной раз даже возмущаются: «Там пьянки организуют, всё». Пьянок таких не бывает. Сели, поговорили, поболтали, в карты поиграли. Двое-трое хотят — выпили по сто грамм. Это чисто так. Это соседская жизнь (Полевое интервью, август 2021 г., пригород Владикавказа).

Мужчины постарше обычно появляются в хадзарах только для того, чтобы поучаствовать в ритуальном застолье в качестве старших (*хистартæ*), т.е. тех людей, которые будут произносить подобающие событию молитвенные обращения. Другими словами, они приходят сюда, чтобы возглавить стол во время «мероприятия». Кстати говоря, именно этим словом, «мероприятие», пользуются как зонтичным термином для обозначения всех общественно значимых событий, происходящих в хадзарах. Его семантика покрывает как те ритуалы, которые считаются осетинскими: поминальные застолья, свадьбы, застолья во время осетинских календарных праздников — ноябрьских Уастырджи бонтæ (Джеоргуыба) и июльского Хетаджи бон, — так и вполне «светские» праздники: юбилеи жителей двора, Новый год, День Победы и т.п. В этих застольях участвуют и молодые мужчины, правда в другой функции — они ассистируют мужчинам постарше в подготовке «мероприятия». Организуют же молодежь на эти работы и приглашают стариков возглавить столы чаще всего те же мужчины, которые в обычные дни (или скорее вечера) сидят в хадзарах, играя в нарды или общаясь с соседями за стаканчиком.

Это те неформальные лидеры дворового сообщества, которые чувствуют свою ответственность за четкое и своевременное проведение «мероприятий». Их иногда называют дворовым активом, и именно они обеспечивают, чтобы необходимый ритуал состоялся в тех частях обрядового сценария, которые должны пройти во дворе. В сферу обязанностей актива входят следующие действия: достать (обычно купить на специальном рынке) животное, которое будет принесено в жертву по поводу ритуального события, забить его, особым образом разделать тушу и приготовить мясо. Кроме того, они заботятся о том, чтобы на столе в достаточном количестве были другие продукты и напитки (для проведения годовых осетинских и «гражданских» праздников во дворе организуется сбор средств). Выполняя эти обязанности, члены хадзарного сообщества будут считать своим общественным долгом привлечь к ритуальной жизни двора молодых людей и подростков (обычно своих взрослых или подрастающих детей, зятьев и невесток, но не только их).

На долю молодых обычно выпадает работа попроще (хотя на самом деле она бывает самой тяжелой и ответственной). Если речь идет о готовящихся похоронах, поминках и свадьбе, кого-то из подростков обяжут оповестить жителей всех квартир корпуса или двора о предстоящем событии, кто-то из молодых мужчин должен будет позаботиться о дровах для костров, на которых будет вариться мясо, кто-то будет мыть потроха жертвенного животного, кто-то сервировать столы (в этом им часто помогают женщины) и убирать хадзар и прилегающую к нему территорию после проведения застолья.

Символическое воплощение такого рода обязанностей и их типичный пример — мытье больших котлов, в которых готовятся основные ритуальные блюда (ил. 3). Гораздо реже, поскольку эта практика исчезает из обихода, в таких котлах варится необходимое для ритуала осетинское пиво, которое еще полтора десятилетия назад было продуктом исключительно домашнего производства, а сейчас обычно покупается в магазинах. Мытье котлов, конечно, утомительное, скучное и малопривлекательное занятие. Поэтому неудивительно, что настоятельная просьба, обращенная к парню из двора, где прошли, например, поминки, помыть котел, является квинтэссенцией жесткой дворовой педагогики и иерархической дисциплины. Современная фольклорная городская традиция вкладывает эту просьбу-указание в уста сурового «мужика с хадзара», добровольного наставника молодого поколения, чей образ служит ярким символом традиционного осетинского социального уклада. Хадзар же оказывается идеальным и идеализированным локусом господства мужчин определенного возраста, склонных

к демонстрации высокого престижа традиционных поведенческих установок в социальном и географическом пространстве двора. Залина Канукова и Роберт Кулумбеков пишут об этом предельно ясно: «Хæдзар — территория мужской части социума, главные распорядители в нем — старшие мужчины» [Канукова, Кулумбеков 2015: 69].

Работа социального воображения молодых жителей Владикавказа с этими образами старших мужчин ярко проявилась в создании интернет-мема упомянутого «мужика с хадзара», который повлиял и на устную культуру современной Северной Осетии. Лет десять назад в сети «ВКонтакте» стала популярна фотография мужчины лет сорока, который обращается к невидимому собеседнику с характерным жестом настойчивого требования и какими-то словами. Пользователи сети стали придумывать содержание этого обращения, их читатели — комментировать эти подписи или просто лайкать те из них, которые казались им наилучшим образом соответствующими представленному социальному типу. Интересно, что наиболее остроумными читателям показались те подписи, где «мужик с хадзара» раздавал молодым указания по подготовке к какому-то «мероприятию» или попросту «учил их жизни», зачастую смешивая лексические формы русского и осетинского языков. Приведу некоторые из них (орфография и пунктуация источника цитирования сохранена).

На тебе 20 рублей. Пойди купи 40 стаканчиков и 50 тарелок, сдачу оставишь себе на мороженое.

[Невидимый собеседник обращается к герою фотографии:] *Казик, стол в дверной проем не пролезет!* [Герой:] *А вы с разбега попробуйте.*

Ацу æмæ къæбицаей кард рахæс. — Нæй уым — Ухх <...> совсем, æртæкка йе куы ссардынаем уæд дын æй да сæры фæхойдынаен!!! [Иди и принеси из кабиса (кладовки в хадзаре) нож. — Нет его там. — Ухх <...> твою совсем, я сейчас сам посмотрю, и если он там, по голове тебе настучу!!!]

Куда ты со стола встал? «Хищник» тебя отпускал? [отсылка к правилам осетинского застольного этикета, согласно которому у хистæра, старшего за ритуальной трапезой (здесь он назван «хищником» — распространенная шутка), нужно спросить разрешение, чтобы покинуть стол; герой мема явно поучает более молодого и неопытного участника ритуальной трапезы].

Разумеется, очень популярны и шутки про мытье котлов:

Тамик, макуыдаем ацæт [Тамик (уменш. Тамерлан), никуда не уходи]. *Щас котлы мыть будите.*

Вот возьми, ферри, губку и потихоньку мой котел. Горячей воды нет! [Комментарии читателей: «Знакомо!»; «Смотрите в каждом хадзаре Осетии»; «Ай-ай-ай. Каждый пацан прошел через это»].

Но больше всего энтузиазма, основанного на радости узнавания, вызвало у читателей обращение «мужика с хадзара» к неведомому нам младшему собеседнику, имеющее более общую воспитательную функцию:

*Лаг да æви цы даæ! <...> [Мужик ты или что! <...>]*¹

Разумеется, интернетные пересмешники сознательно и последовательно придавали заинтересовавшему их социальному типу гротескные черты и пропорции, и созданный их совместными усилиями образ нельзя считать точной этнографической зарисовкой. Но некоторое представление о жизни хадзара подобное народное творчество дать нам может. Совершенно в других терминах и с другой точки зрения охарактеризовали эту сторону деятельности хадзара цитированные мною Залина Канукова и Роберт Кулумбеков, которые писали, что в хадзаре «молодые люди наблюдают исполнение традиции, слушают мудрые молитвословия, получают этнографические знания» [Канукова, Кулумбеков 2015: 70].

Последнее наблюдение вновь отсылает нас к определению хадзара из «Владикавказского разговорника», где говорилось о том, что собирающиеся в хадзарах мужчины обсуждают среди прочего «вопросы осетинской этнографии». Последняя фраза в этом пассаже звучит подчеркнуто академично, как, скажем, часть названия сборника научных статей. Автор определения, выбрав такую формулировку, указал на то, что хадзар — это место, в котором осетинская этническая культура не только функционирует, производится и воспроизводится, но и становится предметом рефлексии и порой острой дискуссии. Совершенно типичный предмет разговора как за ритуальным столом, так и во время игры в нарды, за вечерним стаканом пива или чашкой кофе — это сколько тостов нужно произносить во время того или иного ритуала, какова глубинная семантика ритуальных осетинских пирогов и т.д. Это место служит не только для сохранения традиционного, но и для того, чтобы, по остроумному замечанию Бьорна Бьеркли, «традиционализировать традиционное», т.е. формировать из привычных всем практик факты этнической культуры, которыми следует гордиться и которые нужно специально поддерживать

¹ Альбом «Мужик с хадзара» <https://vk.com/album-32470467_147706604>. Картинки и комментарии к ним размещались с 2011 по 2014 г.

«в рабочем состоянии» ради сохранения этнического самосознания [Bjerkli 1996: 18]. Это место, где жители квартала или двора концентрируют все осетинское, включая изображения главного святого осетинского народного пантеона Уастырджи (ил. 4) и, нередко, портреты Сталина, который для многих представителей старшего поколения является предметом национальной гордости и символом славных советских времен. Вполне понятно, что с этнографами они часто предпочитают говорить именно в хадзаре.

Но напомним, что главная функция хадзара — быть инфраструктурной базой для ритуальной жизни квартала (или отдельного дома). И те мужчины, которые обычными, «неритуальными», вечерами собираются в хадзаре или рядом с ним для партии в домино и дружеской беседы, собственно и составляют тот костяк (актив) соседской общины, который проводит праздники и организует поминки. Это они хранят в хадзаре или рядом с ним огромные котлы для варки мяса, шампуры для шашлыков, ножи и другие поварские инструменты, а также запас спиртных и безалкогольных напитков на случай возникновения непредвиденных обстоятельств (например, я присутствовал на небольшом спонтанно возникшем застолье, участники которого праздновали возвращение соседа в родной город и двор после нескольких лет жизни в Москве). Эти запасы хранятся в специальной кладовой — *къæбиц*, «святая святых» всего хадзара.

Вообще говоря, ритуальная и повседневная жизнь хадзаров очень колоритна и заслуживает не только этнографической детальной фиксации, но и репрезентации в виде серьезных художественных проектов, например фотоальбомов и выставок. Но для нас важно сейчас то, что хадзары стали важным элементом городской среды. Для многих они прочно ассоциируются с силой дворового или квартального сообщества, с духом соседской взаимовыручки, противостоящими процессу социальной энтропии. Так, мне дважды рассказывали истории о том, что человек, не живущий во дворе, где были хадзар и его спаянный актив, фактически стал одним из активных участников сообщества, так как в его собственном дворе из-за своеобразия социально-этнического состава населения подобной дружной компании не сложилось, а необходимость в ней он испытывал. И хотя по умолчанию ответственными за поддержание этого духа добрососедства считаются все жители дома или квартала, на самом деле хадзарный актив делает в этом отношении неизмеримо больше других и, что важно, добровольно принимает на себя эту функцию. Эти мужчины и есть *genii locorum* владикавказских дворов в панельных кварталах.

Хадзар как объект социальной инфраструктуры

Итак, хадзар является узнаваемой деталью городского ландшафта и естественной составляющей жизни квартальных сообществ многих районов Владикавказа (там, где кварталы состоят из частных домов, эта сторона жизни организована иначе). О наличии во дворе хадзара в ряду других объектов социальной инфраструктуры сообщается в объявлениях о продаже и сдаче внаем квартир. И отметим: зачастую в этих текстах хорошие соседи обещаются потенциальному покупателю или съемщику жилья «вместе» с хадзаром.

Продам квартиру, 34 микрорайон. Частичный евроремонт. Солнечная, теплая, сухая. Соседи доброжелательные. Для мероприятий во дворе имеется хадзар («ВКонтакте», группа «Объявления Владикавказ», 20.05.2019).

Продам. 3-к квартира 90 м² на 1 этаже 4-этажного кирпичного дома с капитальным ремонтом. <...> Закрытый двор. Охрана. Большой хадзар. Детская площадка. Место для автомобиля («ВКонтакте», группа «Объявления Владикавказ», 21.02.2016).

Продается <...> квартира в самом центре города. <...> Во дворе большой хадзар, летняя веранда и игровая детская площадка. Красивый дворик и отличные соседи («ВКонтакте», страница риелтора, 03.09.2019).

Или:

Сдается 4х-комнатная квартира в элитном доме по ул. Доватора. В комплексе уютный озелененный большой внутренний двор, оборудованная детская площадка, футбольная площадка, большой хадзар (Сайт Avito, 28.12.2021).

При этом на официальных планах и картах города хадзаров не найти. Почему? Потому что все они построены незаконно, т.е. без получения разрешения на строительство со стороны муниципальных властей. Хадзары возводились на деньги, собранные жителями домов в складчину и по их собственной инициативе. Официально их попросту не существует, а на их месте на городских планах находятся, например, детские или спортивные площадки. К конфликту между хадзарами и детскими площадками мы еще вернемся. Пока же приведу еще одно объявление о недвижимости, где специально оговаривается, что во дворе есть и хадзар, и место для детских игр: «СРОЧНО! 3-КОМ. КВ. пл. 75 кв. м, кухня 11 кв. м, лоджия, балкон, все комн. разделн., подвал, во дворе отдельно хадзар и детская площадка» (Северная Осетия. 2018, 28 июля).

При этом те же муниципальные власти, которые «не знают» о существовании хадзаров, проводят в них встречи с жильцами,

о чем сообщается в программах республиканских телеканалов, газетах и научных изданиях.

Администрация местного самоуправления г. Владикавказа также использует встречи в хадзар'ах как возможность выслушать людей на местах, установить диалог в формате «власть-общество», полезный как для горожан, так и для администрации города. В 2013 г. АМС Владикавказа объявила конкурс на звание «Лучшее внутридворовое общественное строение хадзар» [Канукова, Кулумбеков 2015: 70].

Местное управление МЧС проводит в хадзарах разъяснительную работу по противопожарной безопасности, о чем сообщает на своих страницах в социальных сетях. Весьма энергично пользуется хадзарами и местное отделение партии «Единая Россия». В рамках предвыборных кампаний оно организует там встречи кандидатов и действующих депутатов с избирателями. Об этом в разговоре со мной рассказал руководитель Северо-Осетинского регионального исполкома партии Марат Едзоев: «Мои депутаты, с которыми мы работаем, они все свои хадзары знают. В городе 32 депутата, из них 16 — по одномандатным округам. У них записано, где какой хадзар есть» (Полевое интервью, 9 апреля 2021 г., Владикавказ).

Эти же депутаты в качестве жестов великодушной помощи населению помогают ремонтировать ветшающие здания хадзаров и дарят недостающую для их полноценного функционирования мебель, внося этим свой вклад в поддержание инфраструктуры выборов в государственные органы власти. Я еще раз процитирую Марата Едзоева, приводившего в том же разговоре со мной некоторые детали этого сотрудничества на примере работы видного североосетинского политика и бизнесмена Вячеслава Битарова:

Наши ребята-депутаты зачастую и в ремонте помогают этих помещений общественных. Они же ни на каком балансе не стоят, это ни муниципальная собственность, ни государственная, ни республиканская. Официально многих из них вообще нету. А по большому [счету], это коллективная собственность жителей двора. Они на свои деньги его строят, скидываются, обращаются к депутатам, к бизнесменам, и те регулярно помогают. Я знаю, например, нынешний глава республики Вячеслав Зелимханович Битаров, он был сначала депутатом городского собрания, а потом депутатом парламента (это часть города) Доватора, Гадиева, 34-й микрорайон. Он там был депутатом. У него был принцип. Если к нему обращались (он был еще депутатом городского собрания): «Вячеслав Зелимханович, помогите нам с хадзаром», — он говорил: «Вопросов нет. Но я вам делаю часть, а часть делаете вы. Давайте совместно. Чтобы

не было так, что вы сидите, ничего не делаете на своем пеньке. Я вам куплю шифер, я вам куплю цемент, я вам куплю это-это-это-это, скамейки подарю, а вы своими руками поменяйте, покрасьте, побелите». Такой принцип был у него (Полевое интервью, 9 апреля 2021 г., Владикавказ).

Как видим, о существовании хадзаров властям хорошо известно. Про них знают и используют в своих целях. Такая молчаливая легитимация этих центров ритуальной жизни соседских общин, их узаконивание явочным порядком отразились в своего рода этиологическом предании о санкционировании строительства самого первого хадзара первым секретарем республиканского обкома КПСС Биларом Кабалоевым, произошедшем в годы его руководства Северо-Осетинской АССР (1961–1982). Мне об этом рассказал старший хадзара, находящегося в одном из пригородов Владикавказа.

У площади Победы (Чулочная фабрика) стоят девятиэтажные корпуса. И вот представьте: такой здоровенный дом, как ему без сарая [хадзара], как им без сарая? В доме на площади Победы жили люди из правительства. Там были похороны. Кабалоев, естественно, присутствовал. Говорит: «Кто здесь старший?» Кого-то подозвали. [Кабалоев говорит ему:] «Я вам не приказываю. Место позволяет. Постройте себе красивый хадзар вот для этого дома». Это были его слова. И все начали строить. А нелегально же боялись. С горисполкома придут, скажут: «А кто вам разрешил?» Другой придет, скажет: «Давай быстро снесите». Когда было за что зацепиться [имеется в виду неофициальный совет Кабалоева], все начали строить (Полевое интервью, 30 ноября 2021 г., Владикавказ).

Другими словами, хадзары официально не существовали никогда. И на нынешний день ситуация не менялась. Это не представляло бы ни для кого серьезных трудностей, если бы не проблема с городскими коммуникациями. Ведь раз хадзары не существуют, то к ним не могут быть подведены электричество, вода и т.п. Но на практике водоснабжение и электричество в этих зданиях есть. И здесь мы переходим к вопросам инфраструктуры не только ритуальной, но и вполне обычной, грубо материальной.

История возникновения и современного юридического положения хадзаров служит хорошей иллюстрацией утверждения Каспера Брууна Йенсена и Атсуро Мориты, которые писали: «[К]онфигурации инфраструктур подвержены непредсказуемым изменениям. Более того, изменениям подвержены не только “компоненты” инфраструктуры, но и формы политики, общества и окружающей среды, порождаемые этими системами» [Jensen, Morita 2015: 83]. В нашем случае это формы спонтанно

складывающихся социальных инициатив и (в потенциале) религиозных институтов.

Судя по воспоминаниям горожан, а также по датам, выложенным цветным кирпичом на самих постройках, хадзары стали строить в начале 1970-х гг. Это было время продолжавшегося роста доли осетинского населения в г. Орджоникидзе, как назывался Владикавказ при Советской власти. Осетины переезжали в город в основном из сельской местности, имея устойчивую привычку пользоваться соседской общиной как важным источником социальной поддержки параллельно с родовыми связями, функциональность которых дополнялась и теснилась другими формами социальной солидарности. Одной из форм демонстрации связанности соседской общины были совместные праздники и помощь соседей в проведении ритуалов жизненного цикла — свадеб и похорон. В квартирах городских многоэтажных домов собирать большое число людей было неудобно, а то и невозможно, ведь речь шла о сотнях собравшихся. Поэтому ритуальные события часто проводились во дворах. Очевидно, погодные условия накладывали свои ограничения на эту деятельность. Но все равно специальные помещения для ритуалов долгое время не возводились.

Перемены стали происходить, когда в Орджоникидзе, как и в целом по стране, автовладельцы начали строить гаражи во дворах своих домов. Это строительство во многих случаях велось без официального разрешения со стороны властей, которые просто закрывали глаза на такие инициативы. Сама возможность самовольного строительства в какой-то момент вызвала к жизни идею строить общинные ритуальные дома, которых в таком виде у осетин ни в городе, ни в сельской местности до того времени не существовало. Весьма характерно, что и хадзары, и гаражи часто строились одновременно или почти одновременно. Процессы возведения зданий этих двух типов оказывались непосредственно сопряжены. Например, желающие построить себе гараж должны были заручиться разрешением соседей. Те в обмен на согласие требовали у состоятельных строителей гаражей возвести помещения для общинных ритуалов. Так, в нескольких дворах Владикавказа стоят хадзары, первые этажи которых заняты гаражами, в то время как «мероприятия» проводят на вторых этажах. Но дело этим не ограничивается. Зачастую самыми активными участниками процесса возведения хадзаров оказывались именно финансово крепкие и авторитетные главы семейств, которые владели автомобилями и нуждались в закрытых местах их парковки. Этому, несомненно, способствовало и то, что гаражи были и остаются «территорией мужской части сообщества».

Постройки обоих типов незаконно возводились по отдельности, но часто вместе подключались к городской инфраструктуре снабжения. Вопрос с водоснабжением и электроснабжением этих объектов решался путем «врезок» — незаконным присоединением к городским коммуникационным системам¹. Работники коммунальных служб иногда пресекали эти подключения, но особой строгости и последовательности в этом не было. Уже построенные хадзары и гаражи оставались на своих местах, и их продолжали строить во вновь возводимых кварталах.

После подавления в Орджоникидзе уличных волнений 1981 г., когда антиингушские митинги переросли в стычки осетинской молодежи с воинскими частями, московские власти решили наказать непокорную республику, и во главе ее вместо осетина Кабалоева (того, кто, согласно преданию, разрешил строить первые хадзары) был поставлен этнический русский Владимир Одинцов, который с 1982 по 1988 г. был первым секретарем Северо-Осетинского обкома КПСС. Этот период считается временем подавления всего осетинского и именуется «одинцовщиной». По утверждениям не только тех, кто жил в эти годы, но и людей помоложе, Одинцов намеревался снести все хадзары как рассадники осетинского национализма. Но хадзары тогда устояли. Пережили они и разрушение советской системы и благополучно дожили до середины 2010-х гг., не изменив своей основной функции и форм бытования.

Хадзары, коммунальные службы и встревоженные соседи

Все стало постепенно меняться, когда в последние десятилетия компании, обеспечивающие население электричеством, газом и т.п., начали серьезную борьбу с несанкционированными подключениями к сетям снабжения. Тут обнаружилось, что хадзары и гаражи обычно присоединены к системам снабжения всего дома, и плата за пользование ресурсами распределяется на всех его жителей, подобно тому как все жители одного подъезда платят за его освещение. Государственные компании — поставщики коммунальных услуг стали проводить политику выделения хадзаров и гаражей в отдельные точки, в которые поставляются те или иные ресурсы. Это предполагало переосмысление всей ситуации с оказанием коммунальных услуг. Обосновывая необходимость установки счетчиков электроэнергии в тех помещениях, где их прежде не было, коммунальные компании стали говорить о простой человеческой

¹ О «незаметной» для городских властей нелегальной стороне использования инфраструктурных ресурсов см.: [Simone 2004: 426].

справедливости и воровстве ресурсов у соседей (а не у государственных компаний, о выполнении обязательств перед которыми беспокоились далеко не все). Например, в 2012 г. директор «Севкавказэнерго» Аслан Хузмиев, говоря о необходимости платить за места общего пользования (включая хадзары) и имея в виду незаконные подключения к коммуникационным системам, сказал: «Недобросовестный житель многоквартирного дома, занимающийся хищением электроэнергии, должен осознать, что бремя его безответственности ложится на соседей, которым и приходится в соответствии с показаниями общедомового прибора учета платить сумму украденной им электроэнергии»¹.

Давление на потребителей коммунальных услуг постепенно усиливалось. В 2014 г. у пожилых жителей одного из владикавказских домов по решению суда судебные приставы удержали часть их небольших пенсий. Деньги пошли на уплату долгов по электроснабжению в местах общего пользования. Из репортажа республиканского телевидения стало ясно, что места эти — дворовые хадзары и стоянка машин. «На самом деле во дворе этого многоквартирного дома сразу два дворовых помещения — хадзара. Жители самостоятельно провели электричество и к местам стоянки машин. Неудивительно, что за три года накопились немалые долги — по четыре с лишним тысячи на каждого». По всему получалось, что пенсионеры были вынуждены заплатить за электричество, израсходованное завсегдаятаями хадзаров и автовладельцами. «К формулировкам “общее” и “пользование” у пенсионеров отношение неоднозначное. Говорят, что пользуются этими общими местами и электричеством в них не все»². Очевидно, что здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда инфраструктурные объекты становятся фактором не столько социальной солидарности, сколько сегментации сообщества [Tonkiss 2015: 387–388].

В 2019 г. давление со стороны госкомпаний на хадзары (и гаражи), а вернее на людей, которые чувствовали за них ответственность, еще больше усилилось. Например, 7 марта в главной газете республики было размещено строгое уведомление. Я приведу его полностью.

ВНИМАНИЮ ЖИТЕЛЕЙ Г. ВЛАДИКАВКАЗА!

ОАО «ВЛАДИКАВКАЗСКИЕ ТЕПЛОВЫЕ СЕТИ» обращается к собственникам помещений многоквартирных домов, имеющих

¹ Директор «Севкавказэнерго» Аслан Хузмиев призвал к ответственности потребителей электроэнергии. 25.04.2012. <http://www.sevkavenergo.ru/index_arch_2.php>.

² У пожилых жильцов одного из домов во Владикавказе удержали часть пенсий в счет оплаты задолженности за электроэнергию. 04.07.2014. <<https://alaniatv.ru/u-pozhilyh-zhiltsov-odnogo-iz-domov-vo-vladikavkaze-uderzhali-chast-pensij-v-schet-oplaty-zadolzhennosti-za-elektroenergiju/>>.

во дворе сооружения («хадзары»), и собственников гаражей, самовольно присоединенных к центральной системе теплоснабжения и горячего водоснабжения.

Для пользования услугой горячего водоснабжения «ХАДЗАРОВ» необходимо установить счетчик горячей воды и зарегистрировать, на основании решения общего собрания собственников помещений или совета жилого дома выбрать представителя для заключения договора на предоставление услуги горячего водоснабжения.

Для пользования услугой горячего водоснабжения ГАРАЖЕЙ необходимо предоставить кадастровый паспорт гаража, установить счетчик горячей воды и зарегистрировать, а также заключить договор на предоставление данной услуги.

Для пользования услугой теплоснабжения предоставить технический или кадастровый паспорт «хадзара», если таковой отсутствует, на основании решения общего собрания собственников помещений или совета жилого дома выбрать представителя и комиссионно с инженером теплнадзора ОАО «ВТС» провести замеры сооружения и составить акт для заключения договора на предоставление услуги теплоснабжения.

Подключение «хадзаров» и гаражей с подвального помещения жилого дома нарушает гидравлические и температурные режимы предоставления услуги теплоснабжения этого дома, что влечет за собой некачественное предоставление данной услуги в отдельных помещениях.

ВЫШЕПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НЕОБХОДИМО ПРОВЕСТИ ДО ОКОНЧАНИЯ ОТОПИТЕЛЬНОГО СЕЗОНА 2018–2019 гг.

В противном случае будут проведены мероприятия по отключению несанкционированных и бездоговорных подключений к системам центрального теплоснабжения и горячего водоснабжения (Северная Осетия. 2019, 7 марта).

Осенью того же года за хадзары взялись поставщики электроэнергии. Они требовали проведения собраний жильцов домов, где были построены хадзары, и заключения групповых договоров. Однако подобная постановка вопроса требует консенсуса в дворовом сообществе. В этой ситуации стало ясно, что согласия по этому поводу нет: «В случае, если на общем собрании жильцов принято соответствующее решение, оплата за потребленную электроэнергию в хадзарах распределяется на всех жильцов и включается в состав общедомовых нужд (ОДН). Однако впоследствии зачастую выясняется, что не все жильцы

готовы нести финансовую нагрузку за их содержание»¹. Некоторые жильцы домов попросту не хотят платить за строение, которое они не контролируют и посетителей которого они сторонятся. «Мужики с хадзара», как и сам хадзар, как оказалось, нужны далеко не всем, и не так мало людей, которые хотели бы, чтобы на месте хадзаров были, например, детские площадки². Но пока представители компаний — поставщиков коммунальных услуг не настаивали на заключении новых договоров, этих людей никто не спрашивал. В новых же условиях они получили возможность высказаться. Оказалось, что их молчаливое (до поры) недовольство копилось, чтобы стать основанием для напряжения между соседями. И надо сказать, что проявление этого недовольства часто вызывало искреннее недоумение со стороны членов хадзарного актива. Они совершенно не ожидали, что их самоотверженные и вполне бескорыстные усилия по созданию духа добрососедства будут истолкованы как преследование собственных довольно прагматичных интересов. Так действия коммунальных компаний сделали видимым и обсуждаемым то, что, как и положено исправно работающей инфраструктуре, было незаметным [Star 1999: 380, 382].

¹ В Северной Осетии хадзары переводят на учетное потребление электроэнергии. 05.10.2019. <<https://iryston.tv/v-severnoj-osetii-hadzary-perevodyat-na-uchetnoe-potreblenie-elektroenergii/>>.

² Приведу пример весьма критичного высказывания о хадзаре как институции, сформулированного в виде нарратива о личном опыте омбудсмена по правам предпринимателей. Острота и эмоциональность суждения определяется общим полемическим контекстом разговора и, думаю, не вполне отражает все нюансы отношения рассказчика к обсуждаемому явлению (разговор идет о планах Одинцова снести хадзары).

Инф.: *С удовольствием я тоже бы эти хадзары, конечно [снес]... Потому что у нас было обращение, вот я в своей работе [с этим столкнулся]. Приходит группа предпринимателей. И говорят: «У нас земельный участок в собственности рядом с жилым таким этим... корпусом». И у них собственность. Они хотят там построить офисное помещение. Вышли люди, под экскаваторы женщины бросаются! Детей вот так берут, на краны вешают. [Краны] поднимают бетонные плиты, на них заставляют детей бросаться, вот женщины. Я говорю: «Вы что творите?!» Они говорят: «Защити наши права как предпринимателей». — «Ну пошли, посмотрим». Я подхожу, говорю: «Люди, вы что, сумасшедшие?! Вы что творите! У них документы в порядке. Сейчас милиция придет, вас арестует». — «Мы!.. наши дети здесь играют!» Смотрю во двор, на месте детской площадке хадзар стоит. Я говорю: «А ваши дети во дворе не могут играть? Вы почему хадзар построили, а не детскую площадку?!» И один мне там старец вышел: «Ты осетин?» Я говорю: «Да». — «А ты понимаешь, что ты говоришь!» Я его чуть там... несмотря на то что я очень сильно разозлился, я говорю: «Послушай, что общего имеет хадзар с тем, что я осетин? Я твой хадзар ненавижу». То, что там... Ну хадзары, это что такое, мы уже все знаем. Это пьянки, гулянки. Безусловно, да, эти вот обряды нам нужно совершать. Но для удобства похорон забирать большую часть двора и соорудать там что-то, где потом собираются мужики и бухают!..*

Соб.: *Ну в основном это то, что я вижу, это в большей части закрытые стоят хадзары.*

Инф.: *Закрыты. Потом вечером они выходят, открывают, бухают. А так, закрыты — не знаю. [Они нужны] зимой единственно, если кто умер, чтобы там сесть. Потому что летом в хадзар сесть невозможно. Их конструируют так, что жарко, невозможно сидеть. Все сидят. Свадьбу в хадзарах уже давно никто не делает. И только для похорон во дворе строить вот такой огромный хадзар. Когда-то их строили, они все незаконные. Их бы поносить к чертовой матери, тренажерные залы бы там сделать или футбольные поля. Вот это было бы дело (Полевое интервью, 16 июня 2015 г., Владикавказ).*

Хадзарные активисты встали перед выбором: или в их ритуальных домах не будет электричества, или они будут получать электричество и другие ресурсы законно. Для этого им нужно заново договориться со своим соседским сообществом, с которым до той поры необходимости вести какие-то переговоры не было. Но настоящая проблема состоит в том, что хадзары по-прежнему остаются отчасти невидимыми для государства и муниципальных властей, поскольку они не имеют ни адреса, ни, что особенно важно, владельца. Это создает практически у всех людей, связанных с жизнью хадзара, ощущение неопределенности их дальнейшей судьбы и проблемы, возникшей (или созданной властями) на пустом месте. Один раз я был свидетелем (и отчасти участником) довольно горького по тональности разговора между тремя мужчинами из хадзарного актива о том, что из их двора никто, включая самих участников беседы, не имеет права и не хочет стать владельцем того, что по своей природе является коллективным имуществом, собственностью всей «соседской общины». Поэтому им придется придумывать какие-то новые непростые решения для подключения их хадзара к городским коммуникациям¹.

Хадзары и проблема религиозной идентичности осетин

В ходе упомянутой беседы был затронут вопрос о том, не является ли основная функция хадзара по сути своей религиозной, ведь любая осетинская ритуальная трапеза строится как череда молитв, обращенных к Богу. Мнения собеседников по этому поводу разошлись, что неудивительно: важный и непростой вопрос о статусе осетинской этнической религии часто оказывается камнем преткновения как в публичных [Foltz 2022: 103–121], так и в частных разговорах современных осетин. Тогда разговор шел о том, как определять традиционное осетинское застолье *куывд* — как ритуал особой осетинской религии или же как (просто) элемент осетинской этнической культуры. Внешнему наблюдателю может показаться, что эти точки зрения не противоречат друг другу, но для моих собеседников разница их позиций была очевидной: если *куывд* — это обряд отдельной религии, то в нем не могут участвовать представители, скажем, христианства или ислама, которых среди осетин немало, а если это элемент этнической культуры, то этой проблемы не возникает, так как все осетины вправе иметь к ней

¹ Довольно симптоматично, что в некоторых владикавказских новостройках проекты домов предполагают наличие общих больших помещений, предназначенных для тех мероприятий, которые проводятся в хадзарах. То есть эта опция, наряду с правом пользоваться детской площадкой и, соответственно, платить за ее установку и эксплуатацию, оказывается включена в список так называемых общедомовых нужд и фактически оказывается изначальным условием поселения в доме.

равный доступ. Тогда дискуссия довольно быстро приобрела форму богословского диспута. Но в контексте нашего основного сюжета общий вопрос о том, существует ли у осетин своя религия, обычно обсуждаемый в терминах истории религии, теологии или же геополитики, оборачивается своей очень материальной и, можно сказать, инфраструктурной стороной.

Один из выходов соседским объединениям, сложившимся вокруг хадзаров и теперь решающим вопросы своего юридического статуса в контексте подключения к городским коммуникациям, был предложен видным североосетинским юристом Тамерланом Цгоевым, в чьем послужном списке есть несколько важных государственных должностей. Он увидел реальную перспективу решения проблемы в регистрации этих объединений в качестве общин осетинской народной религии, а хадзаров — в качестве их домов молитвы.

Цгоев — один из последовательных сторонников идеи объективного существования особой осетинской религии, кардинально противопоставленной православному христианству и составляющей основание осетинской культуры и этнической идентичности. Сторонники такого подхода представляют собой заметную группу в пространстве осетинского этнического активизма. Хотя число их религиозных общин неуклонно растет, на сегодняшний день оно все же относительно невелико (мы можем говорить о шести или семи официально зарегистрированных религиозных организациях). Это приходит в противоречие с тем, что сторонники идеи существования осетинской этнической религии настаивают на том, что она представляет собой массовое явление. Мне говорили о том, что эту веру исповедует до 35 % осетин и даже о том, что все осетины, совершающие в том или ином виде осетинские обряды, могут считаться последователями этой религии. Вот как описывает ситуацию сам Тамерлан Цгоев: «[П]ри наличии крупных религиозных групп и организаций, представляющих православие и ислам, довольно значительная часть верующих относит себя к представителям так называемых традиционных народных монотеистических верований и убеждений» [Цгоев 2015: 151]. В другом месте он говорит даже о наличии в республике «очень крупной общины, веками исповедующей уникальные традиционные осетинские народные верования и убеждения монотеистического толка» [Цгоев 2017б: 85]. Но небольшое количество зарегистрированных общин плохо соотносится с этой картиной.

Цгоев считает, что такое несоответствие составляет серьезную социальную проблему, и делает все от него зависящее, чтобы число общин возросло. Для этого нужно, чтобы из своего рода

плотного соляного раствора традиционного жизненного уклада осетин выкристаллизовывались уже фактически существующие, по его убеждению, религиозные общины. Основные усилия Цгоева направлены на то, чтобы ясный юридический статус приобрели не имеющие регистрации группы почитателей осетинских сельских святынь — дзуаров (*дзуартæ*). Эти святыни по своему происхождению и роли в ритуальной жизни довольно сильно отличаются от хадзаров (так, к дзуарам до сих пор совершаются паломничества по обету), но функционально — как места общинных праздников — отчасти оказываются с ними схожи¹. Но и хадзары в какой-то момент вошли в эту общую картину религии, которая прорастает сквозь толщу осетинской жизни.

Очевидно, что юридическое включение соседских общин, образованных вокруг городских хадзаров (как и вокруг сельских дзуаров), в число религиозных организаций осетинской этнической веры могло бы увеличить число ее последователей многократно, и у нее появилась бы мощная инфраструктурная сеть «приходов».

Вот как видит эту ситуацию сам Тамерлан Цгоев, в своем выступлении на конференции «Традиционные верования осетин: состояние, проблемы и перспективы» в 2019 г. сказавший:

Религиозные группы традиционных верований осетин у нас представлены достаточно широко, причем давно. Можно сказать, что в каждом хадзаре даже в городе Владикавказе таких групп огромное количество. Любое мероприятие, которое является традиционным, будь то свадьба, поминки, куывд, кæхц [праздник, устраиваемый через год после рождения ребенка] и так далее, оно начинается и заканчивается обращением к Всевышнему, к Хуыцау, Иунаг Стыр Хуыцау. И обозначать эти группы как-то по-другому у меня не хватает, скажем так, правовой материи. Сказать, что эти лица, которые молятся за тремя пирогами к Иунаг Стыр Хуыцаума, являются представителями ислама, тяжело сказать. В Коране таких процедур, практик нету. То же самое могу сказать и о православии, которое считается традиционным. В Библии этого всего не сказано. Если мы сравним это со средней полосой России, как

¹ Кстати сказать, и проблемы с подключением к коммуникациям в обоих случаях схожи, и это, согласно юридической логике Тамерлана Цгоева, как ни странно, может вселить надежду на то, что попытки решить эти проблемы приведут к повышению правового статуса и социального престижа осетинской этнической религии: «“Управление” святилищами религиозными группами без образования религиозных организаций рано или поздно вызывает ряд правовых вопросов. К примеру, многие святилища подключены к сетям электричества, газопровода, водопровода. Соответственно требуется юридическое оформление договоров на поставку этих ресурсов, т.е. требуется сторона в договоре» [Цгоев 2017а: 146].

сейчас принято сравнивать, то практики отличаются. Причем кардинально. То есть такие религиозные группы, будем их так называть, они в каждом доме. Каждый глава семейства — это глава своей же религиозной группы в семье. То же самое, когда мы видим массовые мероприятия, свадьба например, да. То есть собираются, хистæртæ бадыни, фæдзæхсыни, скувыни [старика сидят, благословляют, молятся] (Полевая запись выступления Тамерлана Цгоева, 16 ноября 2019 г., Владикавказ).

На пути создания новых религиозных общин, вернее переосмысления существующих сообществ в качестве религиозных, возникает следующая трудность. Она заключается в том, что большинство завсегдатаев хадзаров не воспринимают те ритуалы, которые они проводят в своих «длинных домах», в качестве элементов или проявлений какой-то религии. Для них, как и для двух из трех участников описанного спора, это этническая традиция, которая определяется емким осетинским выражением *ирон æгъдау* (букв. 'осетинский порядок', образ жизни). Тамерлан Цгоев понимает это и пишет в этой связи:

Основная масса адептов указанных осетинских верований и убеждений веками существует в формате самоорганизованных религиозных групп, образованных по территориальному или фамильному принципам. Они не проходят и по большей части не собираются проходить государственную регистрацию в качестве религиозных организаций [Цгоев 2015: 152].

В нежелании понимать и репрезентировать свои действия в терминах религии нужно видеть не только последствия концептуальной инерционности «адептов», но и свою коммуникационную прагматику. Это позволяет им, участвуя в совместных ритуалах, избегать межрелигиозных трений. В известной мне соседской общине на ритуальную трапезу собираются православные, мусульмане, агностики и атеисты. Все они являются большими энтузиастами сохранения и изучения осетинской культуры и истории, но не религии. При этом многие из них резонно полагают, что фреймирование традиционных ритуальных практик в терминах религии может стать причиной конфликтов между людьми с разными идеями касательно того, что есть религия, есть ли у осетин этническая религия и, если есть, какова она. А согласно общей установке по поводу функций хадзара, его жизнь должна объединять соседей, причем не только осетин: я знаю, что среди активистов хадзарного сообщества (реальных двойников тех самых фольклорных «мужиков с хадзара») есть русские, армяне, кабардинцы. Их лояльность этому сообществу вполне понятна: включенность в эту компанию может отчасти компенсировать их несколько маргинальное положение в большом осетинском обществе, в котором этни-

ческая идентичность является устойчиво сильным аспектом в структурировании социальных связей.

Несмотря на это сопротивление, Тамерлан Цгоев надеется, что необходимость «платить за коммунальные услуги» вынудит общины признать себя религиозными организациями. По его мнению, этническую религию осетин сформируют не столько определенные вероучительные доктрина и ритуал. Подтолкнуть этих людей к осознанию своей религиозной идентичности может скорее необходимость установить в хадзарах счетчики электричества¹. Ведь тогда договор с поставляющими эти и другие ресурсы компаниями будут заключаться религиозными организациями, а не товариществами собственников жилья или подобными коллективами, некоторые члены которых не очень стремятся финансово участвовать в содержании хадзаров. По крайней мере не в том объеме, что их постоянные посетители и фактически если не хозяева, то управляющие.

Это смещение акцентов в проектах по воссозданию религии и ее вероучительных и ритуальных аспектов к моментам построения, а вернее выявления ее институциональной инфраструктуры, как мне кажется, является важной тенденцией в современном осетинском религиозном активизме. Оно говорит о том, что осмысление феномена религии становится весьма прагматичным и легалистски ориентированным жестом.

Но своя прагматика, как мы видим, есть и у тех, кто не хотел бы видеть свои хадзары в качестве первичных ячеек большой осетинской религиозной организации. Представляя «настоящие религии» по образцу больших христианских церквей с их иерархиями и вынужденными или желанными союзами с секулярными политическими элитами, они понимают, что при усилении религиозной составляющей в «идентичности» хадзара им придется ориентироваться не на свои практические знания в области осетинской этнографии, в чем они чувствуют себя на равных со своими сверстниками-соседями, а на соответствие своих действий какому-то канону, за которым следят люди, рядом с ними не живущие и местные авторитеты не признающие. В этих условиях им куда проще договорится с соседкой, которая, может, и не довольна счетом за электричество из хадзара и вообще считает, что там собираются любители праздного времяпрепровождения, но которой, как это ни грустно (так уж устроен мир), придется когда-то попросить этих самых мужчин помочь ей организовать все в том же дворе хадзара печальную трапезу в память о ком-то из ее ушедших близких.

¹ О приборах учета коммунального потребления как инструменте социальных дисциплины и регулирования отношений в обществе см.: [Coleman 2014].

И обе стороны в этих переговорах будет мало интересоваться религиозный статус предстоящего мероприятия.

* * *

Завершая свой этнографический очерк, я хотел бы вернуться к вопросу многозначности термина «инфраструктура» в дискурсивном поле социальной антропологии. Антропология инфраструктуры, хотя и имеет свою классику в виде работ, например, Брайана Ларкина и свои аксиомы, становящиеся на наших глазах спорными банальностями, все же остается довольно новым исследовательским направлением. Интересуюсь в первую очередь и весьма последовательно работой скрытых (и иногда сознательно скрываемых) социальных механизмов, она, с одной стороны, является в этом своем качестве идеальным антропологическим проектом, но с другой — наследует пороки, присущие всей дисциплине. Один из них (и он в какой-то мере характеризует и этот мой текст) заключается в том, что мы любим метафоризировать наши базовые понятия в попытке сделать свои аргументы более яркими и запоминающимися. С понятием инфраструктуры, на мой взгляд, происходит именно это. Мы поначалу говорим об инфраструктуре как о материальных сетях, обеспечивающих какой-то социально-географический объект расходуемыми ресурсами, и изначально имеем в виду дороги, канализацию, электросети и другие понятные вещи. Но потом, осознавая, что и сами ресурсы, и их циркуляцию можно понимать расширительно, предлагаем, например, видеть в людях, объединенных социальными обязательствами, аналог информационных сетей, а в живой речевой коммуникации — что-то принципиально схожее с каналами доставки услуг и товаров. Очевидно, что подобный способ работы с концептуальным аппаратом и эмпирическими данными разбалтывает наши интерпретационные механизмы и создает ощущение того, что мы идем по болотистой почве.

Оправданий для подобной беспечности может быть несколько, но для меня самым важным является то, что люди, чью жизненную логику мы пытаемся понять, поступают так же. Я имею в виду, что наши инфраструктурные сети и объекты становятся таковыми зачастую только под пристрастным взглядом тех, кто решает их использовать в новых целях. Хадзары во владикавказских дворах возникли как стихийные «третьи места», т.е. объекты неформальной социальной инфраструктуры, не предусмотренные унифицированным взглядом на этот предмет, который был в головах у муниципальных чиновников. В последнее десятилетие хадзары стали рассматриваться местными политиками как элементы сети, которую можно использовать

в избирательном процессе, подобно тому как в нем уже используются школы. Некоторым энтузиастам идеи осетинской этнической религии хадзары видятся в качестве естественной структуры для религиозного объединения, подобной системе православных приходов. Большинство же жителей Северной Осетии, включая социальных ученых, видят в хадзарах инфраструктуру для воспроизводства осетинской этнической культуры в условиях современного города (хотя и относятся как к самому этому процессу, так и к его главным агентам по-разному). То есть в хадзарах видят места, где производятся и воспроизводятся важные расходуемые ресурсы, места метафорически понимаемой инфраструктуры.

Но и само понятие социальной инфраструктуры начало свою жизнь в качестве метафоры. Оно установилось в советском русском языке только в 1970-е гг. на волне модернистской урбанистики, которая уподобляла учреждения образования, здравоохранения и т.п. электрораспределительным станциям и железнодорожным узлам. Поэтому не будет особым насилием над сложившейся традицией словоупотребления видеть в словосочетании «социальная инфраструктура» удачный, хотя, возможно, слишком бюрократический аналог английскому термину “soft infrastructure”. Напомню, что последняя, согласно словарному определению, «состоит из институтов, правил, социального капитала, систем ценностей и других социальных и экономических механизмов» и противопоставляется жесткой (*hard*) инфраструктуре, которую составляют «автомобильные дороги, портовые сооружения, аэропорты, телекоммуникационные системы, электрические сети и другие коммунальные услуги» [Lin 2011: 201].

Список сокращений

СОИГСИ — Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований

Источники

- Абоев М. Владикавказский разговорник // Объявления Владикавказ, группа «ВКонтакте». 2016, 5 июля. <https://vk.com/wall-71948231_4863>.
- Цгоев Т.В. Вопросы правового регулирования взаимодействия религиозных объединений и государства на Северном Кавказе в контексте борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом (на примере Республики Северная Осетия — Алания) // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 1(34). С. 148–154.
- Цгоев Т.В. Некоторые вопросы правового статуса святилища традиционных верований осетин Майрама Верхней Башни в Цаззиу — «Цъæззиу Уæлае Мæсыг Майраемы дзуар» // Конституция и конституционная законность: Мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф.

Владикавказ, 12–13 декабря 2016 г. Владикавказ: Конституционный Суд РСО-Алания, 2017а. С. 131–150.

Цгоев Т.В. Современное состояние религиозных отношений в Республике Северная Осетия — Алания и в Республике Южная Осетия (отдельные политико-правовые, исторические и религиоведческие аспекты и профилактика религиозного экстремизма) // Цалиев А.М. (отв. ред.). Конституция и конституционная законность: Мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф. Владикавказ, 12–13 декабря 2016 г. Владикавказ: Конституционный Суд РСО-Алания, 2017б. С. 85–101.

Библиография

- Канукова З.В. Традиция в современном осетинском обществе. Владикавказ: Ир, 2018. 135 с.
- Канукова З.В., Кулумбеков Р.П. Осетинский *хæдзар* как модель воспроизводства и функционирования традиции в современном обществе // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 16(55). С. 65–72.
- Хадикова А.Х. Этикетно-поведенческие нормы // Цаллагова З.Б., Чибиров Л.А. (отв. ред.). Осетины. М.: Наука, 2012. С. 307–323. (Народы и культуры).
- Чибиров Л.А., Уарзиати В. Жилище и поселения // Цаллагова З.Б., Чибиров Л.А. (отв. ред.). Осетины. М.: Наука, 2012. С. 188–212. (Народы и культуры).
- Bjerkli B. Land Use, Traditionalism and Rights // Acta Borealia: A Nordic Journal of Circumpolar Societies. 1996. Vol. 13. No. 1. P. 3–21. doi: 10.1080/08003839608580444.
- Carsten J. The Heat of the Hearth: The Process of Kinship in a Malay Fishing Community. Oxford: Clarendon Press, 1997. IX+314 p.
- Coleman L. Infrastructure and Interpretation: Meters, Dams, and State Imagination in Scotland and India // American Ethnologist. 2014. Vol. 41. No. 3. P. 457–472. doi: 10.1111/amet.12084.
- Daniels I. Feeling at Home in Contemporary Japan: Space, Atmosphere and Intimacy // Emotion, Space and Society. 2015. Vol. 15. P. 47–55. doi: 10.1016/j.emospa.2014.11.003.
- Foltz R. The Ossetes: Modern-Day Scythians of the Caucasus. L.: I.B. Tauris, 2022. 216 p.
- Jensen C.B., Morita A. Infrastructures as Ontological Experiments // Engaging Science, Technology, and Society. 2015. Vol. 1. P. 81–87. doi: 10.17351/ests2015.21.
- Lin J.Y. New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development // The World Bank Research Observer. 2011. Vol. 26. No. 2. P. 193–221. doi: 10.1093/wbro/lkr007.
- Scott J.C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven, CT: Yale University Press, 1990. XVIII+251 p.
- Simone A. People as Infrastructure: Intersecting Fragments in Johannesburg // Public Culture. 2004. Vol. 16. No. 3. P. 407–429. doi: 10.1215/08992363-16-3-407.

Star S.L. The Ethnography of Infrastructure // American Behavioral Scientist. 1999. Vol. 43. No. 3. P. 377–391. doi: 10.1177/00027649921955326.

Tonkiss F. Afterword: Economies of Infrastructure // City: Analysis of Urban Change, Theory, Action. 2015. Vol. 19. No. 2–3. P. 384–391. doi: 10.1080/13604813.2015.1019232.

The Iron *Khadzar* as an Element of the Social Infrastructure in a Modern North Ossetian City

Sergei Shtyrkov

European University at St Petersburg

6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences

3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia

shtyr@eu.spb.ru

The article describes *khadzars*—special ritual houses built in the courtyards of residential areas of Vladikavkaz (Republic of North Ossetia—Alania) that have become elements of informal social infrastructure. As a venue for ritual feasts, *khadzars* are built by families living in a multi-storey house or complex of houses and are the responsibility of the “*khadzar* activists”—groups of adult men who organise and oversee collective rituals during funerals, memorials, Ossetian and national calendar festivities, and sometimes weddings. These same men often use the *khadzar* to pass their leisure time in it. Built with the tacit consent of local authorities and actively used by them to, for example, hold meetings with residents during election campaigns, *khadzars* nevertheless remain illegal structures with an unclear legal status. The lack of clarity on this issue becomes a problem when utility companies start demanding that residents enter into separate contracts to connect the *khadzars* to the city’s infrastructure—heating and electricity—which poses a challenge to the neighbourhood community. This raises the question for the house or yard community as to who really owns these buildings and who should therefore take care of their fate.

Keywords: infrastructure, North Ossetia—Alania, Ossetians, anthropology of religion, urban ethnography, ethnic traditionalism.

References

Bjerkli B., ‘Land Use, Traditionalism and Rights’, *Acta Borealia: A Nordic Journal of Circumpolar Societies*, 1996, vol. 13, no. 1, pp. 3–21. doi: 10.1080/08003839608580444.

- Carsten J., *The Heat of the Hearth: The Process of Kinship in a Malay Fishing Community*. Oxford: Clarendon Press, 1997, IX+314 pp.
- Chibirov L. A., Uarziati V., 'Zhilishche i poseleniya' [Housing and Settlements], Tsallagova Z. B., Chibirov L. A. (eds.), *Osetiny* [The Ossetians]. Moscow: Nauka, 2012, pp. 188–212. (Narody i kultury [Peoples and Cultures]). (In Russian).
- Coleman L., 'Infrastructure and Interpretation: Meters, Dams, and State Imagination in Scotland and India', *American Ethnologist*, 2014, vol. 41, no. 3, pp. 457–472. doi: 10.1111/amet.12084.
- Daniels I., 'Feeling at Home in Contemporary Japan: Space, Atmosphere and Intimacy', *Emotion, Space and Society*, 2015, vol. 15, pp. 47–55. doi: 10.1016/j.emospa.2014.11.003.
- Foltz R., *The Ossetes: Modern-Day Scythians of the Caucasus*. London: I. B. Tauris, 2022, 216 pp.
- Jensen C. B., Morita A., 'Infrastructures as Ontological Experiments', *Engaging Science, Technology, and Society*, 2015, vol. 1, pp. 81–87. doi: 10.17351/ests2015.21.
- Kanukova Z. V., *Traditsiya v sovremennom osetinskom obshchestve* [Tradition in Modern Ossetian Society]. Vladikavkaz: Ir, 2018, 135 pp. (In Russian).
- Kanukova Z. V., Kulumbekov R. P., 'Osetinskiy khadzhar kak model vosproizvodstva i funktsionirovaniya traditsii v sovremennom obshchestve' [Ossetian Khadzhar as a Model of Retranslation and Functioning of Tradition in the Modern Society], *Izvestiya SOIGSI*, 2015, is. 16(55), pp. 65–72. (In Russian).
- Khadikova A. Kh., 'Etiketno-povedencheskie normy' [Etiquette and Behavioral Norms], Tsallagova Z. B., Chibirov L. A. (eds.), *Osetiny* [The Ossetians]. Moscow: Nauka, 2012, pp. 307–323. (Narody i kultury [Peoples and Cultures]). (In Russian).
- Lin J. Y., 'New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development', *The World Bank Research Observer*, 2011, vol. 26, no. 2, pp. 193–221. doi: 10.1093/wbro/lkr007.
- Scott J. C., *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven, CT: Yale University Press, 1990, XVIII+251 pp.
- Simone A., 'People as Infrastructure: Intersecting Fragments in Johannesburg', *Public Culture*, 2004, vol. 16, no. 3, pp. 407–429. doi: 10.1215/08992363-16-3-407.
- Star S. L., 'The Ethnography of Infrastructure', *American Behavioral Scientist*, 1999, vol. 43, no. 3, pp. 377–391. doi: 10.1177/00027649921955326.
- Tonkiss F., 'Afterword: Economies of Infrastructure', *City: Analysis of Urban Change, Theory, Action*, 2015, vol. 19, no. 2–3, pp. 384–391. doi: 10.1080/13604813.2015.1019232.

Иллюстрации к статье Сергея Штыркова

Ил. 1. Хадзары во дворе квартала многоэтажных домов. Владикавказ, 2021 г.
Фотография автора

Ил. 2. Хадзар во дворе квартала. Владикавказ, 2021 г.
Фотография автора

Ил. 3. Варка мяса для поминальной трапезы около хадзара. Владикавказ, 2015 г.
Фотография автора

Ил. 4. Интерьер хадзара. На стене репродукция популярного изображения Уастырджи художников Юрия Дзантиева и Эльбруса Саккаева.
Владикавказ, 2016 г. Фотография автора